

Александр Alias

Э Л И К С И Р
И Н Д И Г О

Грешники

Александр Alias

Эликсир Индиго

«Автор»

Alias A.

Эликсир Индиго / А. Alias — «Автор», — (Грешники)

Ребенок-индиго, бросивший смелый вызов страшной болезни, опередив свое время, изобрел чудодейственный эликсир, чтобы вылечить свою маму. Разработка держится в секрете, но о ней все же становится известно богатому и влиятельному бизнесмену из Новосибирска. Он готов почти на все ради того, чтобы завладеть гениальной формулой лекарства и стать монополистом...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Alias

Эликсир индиго

Коленка болела, но уже не так сильно. Вот джинсы было жалко, новые совсем, а теперь на них огромная дыра. Не надо было вестись на Пашкины «А слабо? Слабо? А так сможешь? А я вот как могу!», вот и результат. Пашка на своем «бизмиксе» только так скачет, а вот у него, Ильи, опыта почти никакого...

Мальчик вновь поморщился. Навернулся, конечно, неслабо, но обиднее всего, что на глазах у той брюнетки из «Б» класса. Илья слышал, что подруги называют ее Юлей, и немедленно решил, что теперь это его любимое имя. Если он смотрел фильмы о большой и трагичной любви, слушал надрывные песни, видел красивые фотографии, в памяти сразу же всплывало лицо Юли. Большие карие глаза, длинные ресницы, легкий загар, волосы почти до самой талии... И как обидно Юля хихикала, когда он упал.

Илья направился к полке с аптечкой. В лаборатории Малой Академии наук было все, что нужно школьникам для жизни и работы, даже диванчик, чтобы переночевать. В Академии, куда его отдали с пятого класса, Илья проводил все свободное от школы время, уроки делал тут же, благо ему для выполнения домашних заданий почти не приходилось напрягаться.

Раньше такие дети, как он, назывались вундеркиндами, теперь в моду вошло словечко «индиго». Илье было фиолетово, как его называют, главное, чтобы жить не мешали. В глубине души, конечно, было приятно – кому не понравится в подростковом возрасте выделяться из толпы, быть не таким, как все, ловить на себе любопытные взгляды. Но к этому он уже немного привык, поэтому не обращал внимания. В родной школе к нему тоже привыкли и редко вспоминали о том, что он чем-то отличается от других одиннадцатиклассников. Родители настояли, чтобы Илья не заканчивал школу в тринадцать лет – грустный опыт предыдущих поколений вундеркиндов показал, что психологическая и эмоциональная зрелость у этих детей наступает тогда же, что и у обычных. Жизненный опыт не заменишь никаким интеллектом.

Найдя пузырек с йодом, Илья поставил его на стол, где находилась клетка с белыми мышами. С интересом посмотрев на них, он перевел глаза на часы. Пора! Забыв о том, что хотел обработать рану, мальчик быстрым шагом подошел к стойке с пробирками. Осторожно, затаив дыхание, набрал в шприцы нужное количество жидкости, затем ловко и уверенно ввел трем мышам дозу лекарства. Так, отлично. А на тех троих надо испытать образец 34–12. Взяв пробирку, Илья задел локтем бутылочку с йодом, та упала на стол, из горлышка брызнули янтарные капли, одна из которых теперь медленно растворялась в образце 34–12.

Глава 1

Аркадий Петрович Еремеев сидел на втором этаже своего загородного дома и невидящим взглядом смотрел в монитор. На почту пришли результаты анализов. И были они неутешительными. Болезнь никуда не делась, хотя ремиссия и была продолжительной.

Он был богатым и влиятельным человеком. Возил дочь не только к российским врачам, но и в Израиль, Германию, Америку, даже в Китай к тибетским гомеопатам. Кристине становилось немного лучше, но потом болезнь возвращалась.

«Детская астма», – вздыхали врачи. – «Перерастете, скорее всего. Будем надеяться, что в пубертате все пройдет». Эти слова Аркадий слышал уже сотни раз. Жена полностью посвятила себя трехлетней Кристине – постоянные процедуры, приемы лекарств по часам, ингаляции, упражнения для дыхательной системы. Домой заказывались только тщательно отобранные продукты – экологически чистые, не вызывающие аллергии. Еремеев поначалу сам следил за тем, как готовится еда для дочери, потом поручил это жене. Если замечал, что жена перепоручает готовку няне, поднимал страшный шум. Света возводила очи горе и шла на кухню.

Под запретом были и домашние животные. Еремеев обожал кошек, но когда у дочери случился первый ночной приступ, он немедленно избавился от своей любимицы Муси и купил участок земли подальше от города с его выхлопными газами и пропитанной ядами атмосферой. Дом строился только из экологических материалов, на территории участка и за ним вырубали все тополя и другие цветущие деревья и кустарники. Вместо них были насажены другие, очищающие воздух. Трижды в день делалась влажная уборка, Аркадий следил, чтобы домработницы регулярно меняли шторы, вытирали пыль в самых дальних уголках. Разумеется, в доме не было никаких ковров.

Все эти меры принесли свои плоды, приступов стало намного меньше, а со временем они как будто даже прекратились. Воспрянув духом, Аркадий решил вновь отвезти девочку в лабораторию и сдать анализы. И вот теперь он смотрел на pdf-файл, который словно говорил: «Болезнь притаилась в ее организме. Ты бессилен».

Еремеев щелкнул кнопкой мыши, загружая всероссийский форум, посвященный лечению астмы. Он буквально жил на этом ресурсе с тех пор, как у Кристины начались приступы. Здесь ему помогли найти лучших врачей, здесь он познакомился с людьми, которые его поддерживали и рассказывали о последних достижениях в области лечения астмы. «Знали бы они, кто я», – не раз с усмешкой думал Еремеев.

Он щелкнул по вкладке «Друзья». Bolid был онлайн. Этот пользователь интриговал Аркадия – с ним было интересно общаться, хотя по разговорам было件нятно, что он еще совсем молодой. Лет двадцать? Быть может, чуть больше, двадцать три-двадцать четыре. Он раньше всех узнавал о новых лекарствах, методиках лечения и тут же размещал информацию на форуме. Аркадий поначалу думал, что он молодой врач, зарабатывает клиентуру. Но потом Bolid сказал, что его мать больна, именно поэтому он знает об астме все или почти все. Болезнь зашла очень далеко, врачи диагностировали астматический статус. Аркадий предложил ему деньги, но парень отказался, сказав загадочно, что скоро решит проблему сам. Надо ему написать: быть может, есть какие-то новости.

Vjack: Не спишь так поздно?

Bolid: Помнишь, я говорил тебе, что работаю над тем, чтобы вылечить маму? Так вот, я подошел близко. Очень близко.

Vjack: Хм, интересно-интересно. Ты всегда говоришь загадками. Попробую угадать. Новое лекарство?

Bolid: Почти. Знаешь, я пока не имею права ничего разглашать, но возможно, скоро я взорву форум.

Vjack: Поторопись, пока я не умер от любопытства.

Bolid: Помучайся. Как Кристина?

Vjack: Сдали анализы. Результат, с одной стороны, неплохой – ремиссия.

С другой – пока болезнь не побеждена. Надо бороться дальше.

Еремеев ждал ответа, но надпись «онлайн» под ником собеседника погасла. Ушел спать? Что-то срочное? Сообщения Bolid-a обнадежили Аркадия. Неужели на рынке скоро появится какая-то новинка? Так или иначе, Еремеев все равно узнает, что имел в виду его таинственный собеседник. Расскажет, куда денется. Они часто сидели на форуме ночами и болтали обо всем на свете. Спорили на философские темы, обсуждали литературу, кино, политику. Аркадий не мог не заметить юношеский максимализм, проскальзывающий в суждениях Bolid-a. Но очень часто парень заставлял Еремеева взглянуть на некоторые вещи под новым углом. Они были знакомы всего три месяца, но день ото дня им становилось все интереснее друг с другом.

Помедлив, Аркадий отправил вслед еще одно сообщение: «Перед тем, как взрывать форум, расскажи мне, хочу быть первой жертвой взрыва».

Что ж, раз Bolid оффлайн, надо бы поработать. Давно пора найти толкового начальника юридического департамента, разобраться, что там с поставками происходит, проверить, как справляется новый технический директор в Новокузнецке, да и вообще посидеть над бумагами. Давно не занимался работой, за три дня могло многое случиться. Посмотрим...

Только под утро Аркадий отправился спать. Зеркало безжалостно продемонстрировало покрасневшие глаза, темные круги под ними, лохматые темные волосы, усталый взгляд. Сейчас он точно выглядел на все свои сорок три года. Не было сил принимать душ. Кое-как умывшись и почистив зубы, он рухнул в постель. Света даже не проснулась. Он знал, что у жены утренний сон самый крепкий – хоть три будильника включи под ухом, не пошевелится. А вот к нему сон все не шел. Он никак не мог прогнать из головы слова Bolid-a о какой-то загадочной новинке, которая может все изменить. Поудобнее устроившись в постели, Еремеев стал мечтать, что скоро Bolid расскажет ему о чудо-лекарстве, которое прекратит страдания его дочери и положит конец их с женой тревогам. Он любил мечтать. Каждый вечер перед сном он строил планы на будущее. И был уверен, что именно неистребимая любовь к мечтам и их воплощению в жизнь помогла ему стать тем, кем он стал – номером один в списке самых богатых людей Новосибирска.

С полчаса проворочавшись с боку на бок, Аркадий встал и подошел к окну. Наверное, такую панораму хотели бы наблюдать многие городские жители – ухоженный зеленый участок, фонтанчики, дорожки, посыпанные гравием, уютная беседка, детская площадка с мягким покрытием, фонари и садовые качели. Никаких тебе дворов-колодцев, проезжей части в тумане выхлопных газов, воя сигнализаций среди ночи, пьяных певцов под окнами, тренькающих на гитаре «Я свободен»...

Еремеев гордился тем, что имел, ему нравилось, что он, в отличие от многих других состоятельных людей, никогда не швырял деньги направо и налево в погоне за показухой. Рациональный до мозга костей, он всегда взвешивал все «за» и «против», прежде чем потратить заработанное.

Но это правило не действовало в отношении дочери. Все самое лучшее Аркадий был готов бросить к ее ногам. Поздний ребенок, Кристина была папиной принцессой. Оба не признавали слово «нельзя», и когда были вместе, дурачились, играли и переворачивали все вверх дном.

Света подумывала родить второго ребенка, но пока это не удавалось, хотя она и была моложе мужа на пятнадцать лет. Аркадий же в глубине души боялся, что не сможет полюбить

второго ребенка так, как Кристину. Ему иногда казалось, что все его сердце безраздельно принадлежит дочери, и второму ребенку в нем места не найдется.

Еремеев отправился в комнату Кристины, чтобы посмотреть, все ли у нее в порядке. С девочкой в комнате днем и ночью находилась няня. Их было две. Аркадий требовал, чтобы за дочерью присматривали круглые сутки – на случай внезапных приступов. Поэтому когда он заглянул в детскую, то увидел, что Елена Николаевна читает книгу при свете торшера.

– Все хорошо? – спросил он шепотом. Та кивнула. Женщина привыкла, что Аркадий приходит навещать дочь, когда ему не спится. Вот и сейчас он подошел к кроватке дочери и смотрел на ее пухлые щечки, кнопочку-носик, очаровательные кудряшки. Погладив дочь по маленькой ручке, еще не утратившей младенческую округлость и мягкость, и поправив одеяло, Еремеев вышел. Все хорошо, Кристина спит и прекрасно дышит. Не кашляет, не задыхается, не плачет. Но это только сегодня.

Машинально Аркадий вновь зашел в кабинет и сел за компьютер. Уснуть уже не удастся. Теперь днем голова трещать будет. Он вошел на форум, обновил страничку и вдруг увидел, что Bolid ему ответил. Уже проснулся, значит. Половина восьмого утра. Ранняя пташка.

Bolid: Прости, друг, но я правда не могу пока ничего сказать точно. Меня просили не говорить.

Vjack: Доброе утро!

Bolid: Привет!

Vjack: Так это тайна? Зачем же ты вчера сказал «А» и потом удрал, не сказав «Б»? Лучше бы молчал, честное слово. Я всю ночь не спал!

Bolid: Прости, я не хотел. Если я скажу, ты дашь слово, что это останется между нами? Пока я не хочу, чтобы об этом знал кто-то еще.

Vjack: О чем речь! Конечно, буду молчать.

Bolid: В одной лаборатории Новосибирска получили состав, который помогает лечить астму. Пока все в стадии разработки, но... моей маме стало значительно лучше. Она вызвалась быть добровольцем и участвовать в испытаниях.

Vjack: Так ты тоже из Новосиба?

Bolid: Больше ничего сказать не могу. Все держится в секрете, и пока окончательно не ясно, есть ли у лекарства побочные эффекты. Нужно еще поработать над ним. Думаю, это займет полгода-год.

Vjack: Спасибо, что приоткрыл завесу тайны. Что ж, как и обещал, буду ее хранить. А почему так долго – целый год? Может, нужны дополнительные инвестиции, чтобы ускорить процесс? Я мог бы помочь.

Bolid: Мне пора. Увидимся.

Аркадий почувствовал знакомое возбуждение и прилив сил – эта энергия наполняла его кровь, когда ему случалось прийти к какой-то идее, которую он давно искал, когда перед ним открывались новые перспективы, когда он увлекался очередным проектом. Теперь надо разговаривать парнишку и узнать, что это за лаборатория. А купить ее с потрохами и получить патент на лекарство ему ничего не стоит.

Глава 2

Контрольную по геометрии Илья решил первым – впрочем, как всегда. Бросив взгляд на задачи, он уже знал, как их решать. Дольше было все это писать и оформлять.

– Дмитриев может идти, – разрешила математичка Ирина Викторовна.

Илью провожали завистливыми взглядами и вздохами. В такие моменты все сразу вспоминали, что с ними в классе учится настоящий индиго. На контрольных его всегда сажали за первую парту, прямо перед учительским столом, чтобы его никто не дергал. Еще очень часто ему давали другой вариант, не такой, как у всех. Поэтому списывать у него было бессмысленно.

Илья бросил ручку в кармашек рюкзака и отправился в лабораторию, не обращая внимания на одноклассников. Мыслями он был уже далеко отсюда. Ему все не давали покоя мыши. Вчера они вели себя очень странно. Причем именно те, которые получили раствор 34–12. В чем же дело?

Велик ждал его во дворе школы, пристегнутый к металлической оградке газона. Илья надел наушники и поехал в лабораторию под старый альбом «Мьюз». Апрельский ветерок обдувал лицо, в воздухе чувствовалось, что на подходе уже настоящая весна. Прохожие смешно шагали под ритм песни в ушах Ильи. Некоторые уже оделись в легкие куртки, хотя и было рановато. Апрель – самый коварный весенний месяц. Люди уже устали от зимы и готовы дать себя обмануть проглянувшему ненадолго солнышку, которое тут же сменяется снегом.

Трое мышей, которые вчера так его удивили, вели себя как обычно, что, конечно, было понятно – прошли сутки, и лекарство давно уже перестало действовать. Грызуны смирно сидели в клетке. Совсем как те, что получили вчера дозу раствора 26–12, считавшегося наиболее удачным по сочетанию компонентов и по реакции на него мышей. Илья приготовил новый раствор 34–12, то и дело сверяясь с записями в лабораторных журналах. Выждал положенные десять минут после инъекции, но мыши вели себя по-прежнему. Словно и не было вчерашней эйфории. Внезапно Илья заметил пузырек с йодом, который так и валялся на столе со вчерашнего дня. Завинтив крышку и убрав йод на место, он кое-что вспомнил...

– Одной капли должно быть достаточно, вряд ли вчера могло попасть больше, – бормотал он себе под нос, правда, не слыша своего голоса, потому что в ушах по-прежнему играли «Мьюз».

– Николай Валерьевич, – взволнованно говорил Илья по телефону через десять минут. – Приезжайте в лабораторию, мне нужна ваша помощь!

– Интересная реакция, – после долгого молчания сказал профессор, глядя на клетку с носившимися по ней мышами. Они радостно скакали, играли, стучали хвостами, словно им ввели инъекцию радости. Николай Валерьевич Беспалов преподавал в Академгородке, поэтому в здание Академии примчался почти сразу после звонка Ильи. С мальчиком они были знакомы уже шестой год, он рос и развивался на его глазах. Николай Валерьевич был профессором химии в НГУ и помнил, как маленького Илью к нему привела обеспокоенная мама. «Николай Валерьевич, это я вам звонила», – начала она, подняв брови, словно умоляя о чем-то. «Понимаете, я бухгалтер, муж адвокат, а Илья...» – она посмотрела вниз на сына. Тот стоял, сохраняя абсолютное спокойствие, и смотрел с любопытством на пятидесятилетнего профессора.

«Он с детства такой. Сам научился читать, просто в два года подошел и стал спрашивать, что это за буквы. Запомнил с первого раза, потом, знаете, когда в детском саду он сам додумался до таблицы умножения, я просто обалдела. А в школе... В общем, он все время сильно опережает сверстников. Хотя что там сверстников – я хорошо училась в школе, но я понятия не имею, кто такой Гельмгольц, что такое коллоидные растворы и для чего нужна теорема Эйлера. Уравнение Шредингера для меня тоже китайская грамота», – пожаловалась Людмила Владимировна. «Представляете, он меня спрашивает, согласна ли я с формулировкой определения

фотона, а я понятия не имею, что ответить! Откуда мне знать про корпускулярно-волновой дуализм! Я о нем от Ильи узнала! В школе сказали, что его надо дополнительно водить куда-то, чтобы он не нахватался беспорядочных знаний».

Беспалову попадались одаренные дети, но такого он видел в первый раз. В пятом классе задавать маме такие вопросы! Вот только сначала требовалось проверить, не повторяет ли мальчик бездумно фамилии ученых и названия, которые он случайно выхватил из энциклопедий, чтобы произвести впечатление на окружающих. Задав школьнику парочку вопросов по курсу коллоидной химии, профессор убедился, что мальчик не притворяется. Ребенок по-настоящему оживился, когда понял, что перед ним человек, обладающий глубокими знаниями в интересующем его предмете. Людмила Владимировна оставила Илью с профессором и умчалась на работу, а мальчику провели экскурсию по корпусу Академии, где одаренные школьники занимались с университетскими преподавателями и готовились стать новой интеллектуальной элитой страны.

С тех пор Академия стала вторым домом для Ильи, а Николай Валерьевич – почти что членом семьи Дмитриевых. Высокий и широкоплечий, всегда хорошо одетый, своим внешним видом он опровергал стереотип о сморчке-ученом в старомодных очках. У него были взрослые сын и дочь, трое внуков.

– Удивительно, что йод дает такую реакцию. Надо открыть журнал и посмотреть, какое соединение и почему вызывает эту эйфорию, – задумчиво сказал Беспалов.

– Я уже пытался, но пока не понял, – признался Илья. – Думаю, тут нужна серия экспериментов.

– Молодец, – похвалил мальчика профессор, кивая наполовину поседевшей головой. Когда они с Илей познакомились, у Беспалова только-только начали серебриться виски. А теперь вот седины в темно-русых волосах все больше и больше. – С чего бы начать?

– Знаете, я дал маме 26–12, – вдруг тихо сказал Илья. – Вы говорили, что лучше не рисковать, но...

– А если бы непредсказуемый побочный эффект? Ведь твоя мама не мышь, – нахмурился профессор.

– Там в составе раствора нет ничего, что могло бы кардинально поменять свое действие при попадании в человеческий организм. Я все взвесил сто раз. Но врачи сказали, что у нее астматический статус, вы бы видели ее приступы, – ответил упрямо Илья, глядя в окно. – В последний раз она стала вся фиолетовая, я очень испугался и решился.

– Теперь, пожалуйста, наблюдай за мамой внимательно, хорошо? Но то, что ты сказал, воодушевляет. Значит, мы движемся в правильном направлении. А 34–12 обещает быть еще лучше, – задумчиво сказал профессор. – Вот только необъяснимая реакция, которую дает йод... Ее надо изучить, прежде чем делать выводы.

«Я попробую 34–12 с йодом на себе», – подумал Илья. Он знал, что Николай Валерьевич не одобрит такую идею. Поэтому не стал ее озвучивать.

Глава 3

Приход весны в Красную Поляну знаменовал собой окончание горнолыжного сезона. Туристов стало значительно меньше, но они и без того не особенно беспокоили троицу грешников, разве что напоминали о том, чего они были лишены – земных удовольствий.

– Покажи-ка еще раз, – Вика висела в облаках, а Сергей объяснял ей, как промчатся в бреющем полете над крышей шале и в последний момент уйти на крутой вираж.

– Ты слишком медленно делаешь, – терпеливо повторял в десятый раз Сергей. – Чего ты осторожничаешь? Мы все уже померли пять месяцев как.

– Наверное, привычка, – пожала плечами Вика. – А может, координации не хватает? Не знаю, но не получается.

– А почему не получается? – допытывался Сергей.

– Мне страшно, – вздохнула Вика.

– Чего бояться-то?

– Ну просто страшно и все, что тут непонятного? Инстинкт самосохранения, понимаешь?

Он куда не делся!

Сергей не стал ничего отвечать, только резко схватил Вику и вместе с ней исполнил один из своих фирменных трюков. Раздался жуткий визг.

– Я чуть не оглох, – возмутился он.

– А я чуть не умерла от страха! – еще сильнее возмутилась Вика. – Да-да, я думала, что уже умерла, так ведь нет! Мне было так страшно, что я думала, умру второй раз! Ну тебя, с твоими выкрутасами. Не женское это дело, ясно?

Артур продолжал хранить молчание и избегать своих товарищей по несчастью. Он летал непонятно где, почти не появлялся в «Лесном очаге», запирался у себя в комнате и не выходил оттуда. Конечно, запереться в комнате можно было лишь очень условно – проникнуть сквозь двери для Сергея и Вики было раз плюнуть. Но они соблюдали правило – если кому-то надо побыть наедине с самим собой в своем номере, мешать нельзя. Закрыта дверь, значит, так надо.

– Он так переживает, бедняга, – сочувствующе говорила Вика.

– Не думал, что мы такие нежные, – фыркал каждый раз в ответ Сергей. – Он же мошенник, они знаешь какие стрессоустойчивые? Мы сколько раз с ОБЭПом дни закрытых дверей для них устраивали! Им все как с гуся вода. А тут, ишь, распереживался.

– Нечуткий ты человек, Лавров, – качала головой Вика.

– Да оставь ты Кривошапкина в покое, придет в норму. На задание полетим, оклема-ется, – отмахивался Сергей.

Вика то и дело упражнялась перед зеркалом – она запомнила, как Светлый порекомендовал ей представлять себя моложе. Зеркало отражало очень плохо, все-таки перед ним был не человек, а душа, поэтому если успехи и были, их почти невозможно было заметить. Но однажды Сергей сказал:

– Вик, ты как-то изменилась, или мне просто кажется?

– Как? Как изменилась? – разволновалась Вика.

– Ну, не знаю, лучше выглядишь.

Вика осталась очень довольна и вглядывалась в мутное отражение, пока не пришла к выводу, что ей и вправду что-то удалось в себе изменить. Еще ей ужасно надоела одежда и сапожки, отпечатки которых остались на ее облике после гибели телесной оболочки. Она всячески пыталась заменить их на юбку и туфли, но ей не удавалось вспомнить свои ноги в мельчайших деталях, а поэтому трудно было смоделировать новый образ и удержать его дольше нескольких секунд. Но и это достижение она встретила с восторгом, немедленно продемон-

стрировав «обновку» Сергею. Немного огорчало, что Артур еще не видел ее успехов и никакой оценки не дал, поскольку избегал их общества...

– Очень хорошо, Вика, молодец, – одобрительно сказал знакомый голос. Светлый. Значит, сегодня им надо будет отправляться на очередное задание. Вика обернулась, юбка и туфли мгновенно исчезли – трудно было одновременно сосредоточиться на метаморфозах и на общении с посланником Света. Сегодня тот был в своем привычном виде, в котором предстал перед ними в первый раз.

– Правда? – обрадовалась Вика. – Как думаете, что нужно, чтобы удержать этот облик?

– Ты правильно делаешь, что начинаешь с предметов одежды, это легче всего. Просто тренируйся каждый день как можно больше, и ты увидишь, что тебе это будет даваться все проще и проще. Ну, где наши соколики? – Светлый заглянул в свой гаджет. – Беда с этим Артуром. Делает шаг вперед и два назад. Ведь мы уже добились такого прогресса... Ну да ладно. Вернем-ка его назад.

В эту же секунду злой и усталый Артур оказался в каминной комнате. Он растерянно огляделся, потом заметил Светлого и понимающе кивнул.

– А-а, опять эти ваши исправительные работы. Зря теряете время, я не собираюсь становиться примерным мальчиком. Поздно.

– Понятно, – спокойно кивнул Светлый. Провел указательным пальцем по экрану планшета сверху вниз, и Сергей спикировал сквозь крышу к остальным.

– О, здравствуйте, – помахал радостно Лавров Светлому. – Здорово, Артур.

Кривошапкин не удостоил Сергея даже взглядом. Он уставился в окно и скрестил руки на груди, всем своим видом давая понять, что не настроен общаться с кем бы то ни было.

– Король Артур не в духе, – усмехнулся Сергей.

– Для меня это не играет большой роли, – ответил Светлый. – Ну, поскольку мы все, наконец, в сборе, я начну свой рассказ. На сей раз вы летите в Новосибирск. Там живет очень талантливый ребенок – Илья Дмитриев. Его мать всю жизнь болеет астмой, но до недавнего времени болезнь не слишком ей мешала. Конечно, требовалось постоянно пользоваться различными препаратами, ездить на море, наблюдаться у врачей, но в целом, она жила полноценной жизнью, такой же, как и другие женщины. Работа, семья, дом. Но три года назад болезнь вдруг резко стала прогрессировать. Илья, с ранних лет интересовавшийся химией и фармакологией, решил, что обязательно изобретет лекарство для мамы. Он обладает недетским упорством и настойчивостью. Нашел всю информацию, какую только можно найти в Интернете, познакомился с самыми известными врачами России, проконсультировался с ними, проштудировал американские сайты и все доступные материалы об астме на английском.

Светлый взял небольшую паузу и обвел всех взглядом.

– Сейчас он очень близко подошел к тому, чтобы сказку сделать былью, – продолжил он. – Ему и профессору, курирующему его занятия, удалось создать раствор 26–12, который по своим характеристикам превосходит даже дорогие западные препараты для лечения астмы. Но Илья пошел еще дальше – попытался улучшить свое изобретение. Так на свет появился образец 34–12, который не имеет побочных эффектов своего предшественника. Тем не менее, даже 26–12 помог матери Ильи купировать приступы.

О деятельности Ильи стало известно Аркадию Петровичу Еремееву. Он очень богатый человек, но как гласит народная мудрость, за деньги здоровье не купишь. Его трехлетняя дочь Кристина страдает так называемой детской астмой, которая развивается на фоне аллергических реакций. Еремеев познакомился с Ильей на форуме, где обсуждается лечение астмы. Илья проговорился, что нашел способ вылечить маму. Конечно, он не знал, с кем имеет дело. Сейчас служба безопасности Аркадия Петровича роет носом землю в поисках мальчика. Сначала они хотят просто установить за ним слежку. Но, зная Еремеева, есть основания предполагать, что он захочет либо отобрать разработку и присвоить ее себе, чтобы делать деньги на этом

препарате, либо причинит какой-либо вред мальчику. Отсюда до Новосибирска путь не самый близкий. Паспорта и деньги на билеты я вам дам. Как всегда, выдам фотографии, которые вам помогут для выполнения задания.

– Деньги? Я не ослышался? – воскликнул Артур, на его лице появилась сардоническая улыбочка.

– Да, деньги. На плацкарт, – подтвердил Светлый.

– Елки зеленые, ну надо же, – продолжал ерничать Артур. – Небось, до копейки все подсчитано? Если билет стоит две тысячи восемьсот тридцать пять рублей и пятнадцать копеек, то там и копейки учтены, да? Наверняка ведь лишнего там нет, а? Ну, хотя бы на карманные расходы, чтобы покутить, стакан чая у проводников купить, например? На троих, конечно же, боже упаси покупать каждому по стакану.

– Артур, успокойся, – поморщилась Вика. – Ты ведешь себя бестактно.

– Если вы настаиваете, деньги можем не выдавать, – невозмутимо сказал Светлый.

– Не слушайте его, он не в себе, – замахал руками Сергей. – Вот выдумал тоже, отвечать за всех.

– Нет-нет, ну что вы, такая щедрость, я не могу отказаться! – не унимался Артур. – Я же потом себе не прошу, что не прокатился на халяву в плацкарте не куда-нибудь, а в Новосибирск! Тем более что деньги в буквальном смысле упали на нас с неба. – Глаза Артура странно горели, он выглядел так, словно напился или заболел.

– Погодите-ка, – нахмурился Светлый. – Подойдите сюда, приложите руку к дисплею.

Артур нехотя подчинился.

– Переходный период, – вздохнул Светлый, посмотрев на голубую лампочку, которая зажглась над дисплеем. – Смятение чувств, ломка стереотипов, переоценка ценностей. Милый мой, это надо пережить. Пройдет. Не вы первый, не вы последний, как говорится.

– Я вам не милый, – проворчал Кривошапкин, но Светлый уже не обращал на него внимания.

– А теперь настала пора для материализации, – взмахнул он рукой. – Только на этот раз выбираете не вы. Я сам скажу, кому какое тело предназначено. Артур, вы будете учителем физики в школе, где учится Илья. Вам нужно войти в контакт с мальчиком, постараться узнать о его перемещениях, новых необычных знакомствах, о том, как идут дела в лаборатории. Это будет не слишком сложно, потому что Юрий Иванович Одинцов – классный руководитель 11 «А» – в хороших отношениях со всеми учениками. Настоящий Юрий Иванович уехал сегодня ночью к больной матери, не успев ничего сообщить ребятам о своем внезапном отъезде.

Артур посмотрел на биомуляж, который дожидался его в кресле. Высокий худощавый мужчина лет сорока пяти, в клетчатой рубашке и брюках, которые были ему явно коротковаты, на носу неперенные очки. На макушке расплзалась проплешина. И ни намек на мускулатуру. Тяжко вздохнув, Артур занял биомуляж.

– Сергей, у вас снова нелегкая роль, вам придется быть лаборантом в НИИ. Знаю, что с химией и физикой в школе у вас не слишком ладилось. Поэтому придется проявить смекалку и запастись терпением. Андрей Алексеевич Назаров полгода назад уехал по программе обмена в США, а поскольку там все еще ценятся умные люди, то он смог закрепиться в американской лаборатории и остался за океаном. Вам нужно сделать вид, что вы вернулись, поскольку поняли, что у вас не получится жить на чужбине, вас замучила ностальгия по родному городу, по людям, которые говорят по-русски, по своим друзьям. Поэтому, как только закончилась стажировка, вы купили обратный билет. Вам надо будет сделать так, чтобы ваш НИИ активно участвовал в проекте Еремеева. Скорее всего, он захочет заполучить патент на лекарство, и производить его надо будет не в школьной лаборатории, а в серьезном учреждении.

Андрей Алексеевич Назаров оказался коренастым молодым человеком среднего роста, лет тридцати, темноволосым, довольно симпатичным, у него на лбу словно было написано

«хороший парень». Сергей не стал особо его разглядывать – зачем, если это все равно что форма на время выполнения задания?

– Вика, вам достанется женское тело. Имя можете выбрать любое – для данного задания это не принципиально. – Светлый замолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.